

Иннокентий

**Письма преосвященного
Иннокентия, епископа
Пензенского и Саратовского,
к княгине Софии Сергеевне
Мещерской 1817-1819 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И66

И66 **Иннокентий**
Письма преосвященного Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского,
к княгине Софии Сергеевне Мещерской 1817-1819 гг / Иннокентий – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 91 с.

ISBN 978-5-519-87078-8

ISBN 978-5-519-87078-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Одобреніе этого сочиненія Иннокентіемъ, какъ Цензоромъ, вызвало на него гоненіе со стороны тогдашняго Оберъ-Прокурора Св. Синода, сильнаго Князя А. Н. Голицына, исходатайствовавшаго Высочайшее запрещеніе онаго, 6-го, Генваря, 1819 года, съ тѣмъ, чтобы „сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за неосмотрительность по пропуску сочиненія, стремящагося истребить духъ внутренняго ученія Христіанскаго. Авторъ къ сужденію о безсмертіи души привязалъ защищеніе нашей Греко-Россійской Церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Это защищеніе наружной Церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ Христіанствѣ. Ибо наружная безъ внутренней Церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о Церкви представлено въ превратномъ видѣ. Ибо гдѣ говорится о Церкви, вездѣ видно, что одно духовечество принимается за оную. Однимъ словомъ, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ Христіанское наше Правитель-ство по гражданской и духовной части“ (см. „Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1861 г., кн. I, Отд. V, стр. 201—202). А на канунѣ грозы этой, Иннокентій, въ письмѣ своемъ къ Княгинѣ, замѣчаетъ: „Пріятно, Княгиня, пріятно, сколько могу изъяснить, пріятно слышать обвиненія въ томъ, въ чемъ отнюдь не причастенъ и въ чемъ успокоиваетъ совѣсть. Если бы во всемъ такъ успокоивала совѣсть, какъ въ вещахъ нѣкоторыхъ, за кои обвиниють, о! рѣшился бы терпѣть съ радостію не только уронъ чести, но и здоровья, и болѣе, только Господь бы не оставилъ.“ Это говоритъ въ пользу того, что дѣйствительно Иннокентій въ одобреніи сочиненія о Церкви хотя и свѣтскаго лица, совершенно сочувствовалъ высказанному въ ономъ, какъ противовѣсу модному въ ту пору у насъ заморскому предпочтенію внутренняго Христіанства, которое, какъ такое, не могло сохранить должнаго отношенія къ законному выраженію онаго во вѣшности, видимыми и понятными для каждаго знаками. Дѣло пло о томъ, чтобы во время указать на вредъ, отъ того происходящій, и сколько ни будь отворотить его, вовсе же не желаніе зла Оберъ-Прокурору

Синода, стоявшему во главѣ новосвѣтскаго въ ту пору ученія о сущности Христовой Церкви: „Оправдываться ни чѣмъ не хочу и не могу, пишетъ Иннокентій на третій день послѣ разразившейся надъ нимъ грозы (8-го Генваря), кромѣ того, что я отнюдь не врагъ Князя, ни какъ и никогда не хотѣлъ замышлять противъ него и входить въ общество противниковъ его. Сіе доказывается тѣмъ, что я же первый далъ случай и открылъ способъ остановить эту книгу, когда не знали какъ, и уже не могли остановить, какъ развѣ съ ужаснымъ шумомъ. Дѣло бы кончилось тѣмъ, что, поелику книга выпущена, то молчать лучше, чѣмъ запрещать. Тогда бы ни сочинителю, ни цензору, не сказали ни слова.“ И точно, это былъ самый лучшій въ подобныхъ случаяхъ способъ: „Factum fieri infectum non potest;“ а по тому вся премудрость состояла въ томъ, чтобы „Quae positura putas, quamvis sint chara, relinque;“ но Оберъ-Прокуроръ держался, по видимому, противнаго: гнулъ—не парилъ, переломилъ—не тужилъ. Это чувствовалъ и провинившійся передъ нимъ: „Если между мною и Княземъ Александромъ Николаевичемъ не будетъ мира, то трудно ему будетъ терпѣть меня: такимъ образомъ я, какъ соръ Петербургскій, какъ уметь духовный, долженъ быть выброшенъ изъ Петербурга.“ И былъ выброшенъ.

Извѣстно, что его назначили было первоначально отправитъ въ Азію, именно на Оренбургскую кафедру, куда, Марта 2-го, и былъ посвященъ онъ, но, черезъ три недѣли, во вниманіи къ слабому его отъ природы здоровью, изнуренному учеными и правительственными занятіями, перемѣстили, 22-го Марта, на кафедру Пензенскую и Саратовскую. Но, еще до посвященія своего, онъ уже помышлялъ безъ ропота покориться судьбѣ своей, на что указываетъ 27-ое письмо его, въ коемъ говоритъ уже о выѣздѣ своемъ въ дорогу черезъ Москву, прибавляя тутъ же помедлить приготовленіемъ дорожнаго: „Преосвященный (Михаилъ Десницкій, съ 26-го Марта, 1818, Митрополитъ Петербургскій и Новгородскій) Митрополитъ будетъ у Государя, и по тому судьба моя можетъ быть рѣшится иначе, нежели предполо-

жено.“ И рѣшилась дѣйствительно иначе, но лишь по рукоположеніи, послѣ чего, не оправившись еще отъ постигшей передъ тѣмъ его болѣзни, долженъ былъ спѣшить въ древнюю столицу, гдѣ, по случаю кончины Московскаго Архіепископа Августина (3-го Марта, 1819), поручалось ему посвященіе Настоятеля Донскаго монастыря, Θεοφιλα Татарскаго, на ту кафедрѣ, съ которой только что за день (22-го Марта) до того перемѣщенъ онъ самъ на Пензенскую и Саратовскую, что онъ, прибывши, 17-го Марта, въ Москву, и совершилъ въ Воскресенье, 23-го, въ Успенскомъ Большомъ Соборѣ, въ то время холодномъ, послѣ чего слезъ въ постелю и, не смотря на всѣ старанія врачей и заботы добрыхъ людей и почитателей его, не могъ оправиться вполне. Это задержало его въ Москвѣ около трехъ мѣсяцевъ (по 7-ое Іюня): выѣхавъ изъ Москвы, 21-го Іюня прибылъ въ Пензу, а 10-го Октября скончался; слѣдовательно, три мѣсяца съ небольшимъ пась свою паству въ ея мѣстѣ, а со дня назначенія на нее прошло 7-мъ слишкомъ мѣсяцевъ.

Поприще свое свершилъ онъ очень въ молодыхъ лѣтахъ: род. Мая 30-го, 1785 года, у церковника (Дьячка), Дмитрія Егорова, села Павлова или Павловскаго Посада, Московской Губерніи Богородскаго Уѣзда, и при крещеніи названъ Иларіономъ; имѣлъ, по тому, всего 35-лѣтъ и похороненъ въ придѣлѣ Пензенскаго Собора, устроенномъ во имя Казанской Божіей Матери. Первоначальное образованіе получилъ въ Перервинской Семинаріи, что близъ Москвы, гдѣ, по обычаю того времени, дано было ему при вступленіи прозваніе „Смирновъ“, за замѣченную въ немъ особенную кротость, которою отличался и во всю свою жизнь. Съ Перервы, для слушанія философскихъ и богословскихъ наукъ, перешелъ въ Лаврскую Семинарію, и въ ней кончилъ ученіе 1806 г., былъ Учителемъ въ нѣсколькихъ классахъ, а въ 1809 сдѣланъ Префектомъ (Инспекторомъ), и въ Октябрѣ того же года принялъ монашество, въ началѣ Августа, 1810 г., Игуменъ Угрѣшскаго монастыря, за тѣмъ вскорѣ (14-го Октября) Знаменскаго Московскаго; съ половины Ноября, 1811 г. вызванъ въ Петербургъ, съ назначеніемъ, 22-го Генваря, 1812, Баккалавъ

ромъ Петербургской Духовной Академіи по Церковной Исторіи и Инспекторомъ ея, а въ Іюнѣ произведенъ въ Архимандрита; въ Сентябрѣ 1813 назначень, по предложенію Митрополита Амвросія, Профессоромъ Богословія и Ректоромъ тамошней Семинаріи, вскорѣ Членомъ Комитета Духовной Цензуры, съ оставленіемъ и въ должности Профессора Церковной же Исторіи въ Академіи, и поставлень Настоятелемъ Сергіевской пустыни; въ 1814 г. везведенъ въ Доктора Богословія, получилъ драгоцѣнный наперсный крестъ и алмазные знаки Св. Анны 2-й степени; 7-го Марта, 1816, перво-классный Архимандритъ, 7-го же Іюня поручень ему въ управленіе Новгородскій Юрьевъ монастырь, и наконецъ какъ сказано выше, рукоположень во Епископа, 2-го Марта, 1819 г.

Изъ произведеній его въ особенности обращаютъ на себя вниманіе: Записки его по Церковной Исторіи, которыя составлялъ онъ для чтеній своимъ слушателямъ въ Академіи, изданныя Коммисіей Духовныхъ Училищъ въ 1817 и потомъ нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: „Начертаніе Церковной Исторіи отъ Библейскихъ временъ до XVIII вѣка,“ въ свое время пользовавшееся большою извѣстностію и служившее единственнымъ руководствомъ для преподаванія въ Семинаріяхъ. Далѣе: Записки по Богословію: „Богословіе дѣятельное.“ Ему же принадлежитъ: „Опытъ изъясненія первыхъ двухъ псалмовъ;“ также: „Изъясненіе Символа Вѣры,“ „Слова и рѣчи“, и напоследокъ: „Письма“ его къ разнымъ лицамъ, изъ коихъ къ Княгинѣ С. С. Мещерской предлагаются тутъ нами, а другія ждутъ еще своего изданія.

Замѣчательно, что Иларіонъ, по мѣсту и времени своего образованія и прохожденію преподаванія, слѣдовалъ непосредственно за своимъ знаменитымъ землякомъ по рожденію, Василиемъ Михайловичемъ Дроздовымъ. Оба они были Московскіе: одинъ сынъ Коломенскаго Дьякона, другой сынъ Дьячка села Павлова или Павловскаго Посада, славнаго своими фабриками, заводами и ярмарками на р. Клязьмѣ и Вохонкѣ, на желѣзной Владимирской дорогѣ, въ 67 верстахъ отъ столицы; оба воспитывались въ Лаврской Семинаріи у Троицы, пер-

вый въ 1803, второй 1804 г.; Дроздовъ 1806 учить Поэзіи, Смирновъ тому 1808; тотъ 1808 Краснорѣчію и Риторикѣ, этотъ тому же 1809; въ концѣ 1808 г. Василій принимаетъ монашество и переименовывается въ Филарета, а въ Октябрѣ 1809 и Иларіонъ сталъ Иннокентіемъ; въ Мартѣ 1809 г. Филаретъ требуется въ Петербургъ въ Профессоры Философіи съ званіемъ Академическаго Баккалавра и назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ Инспекторомъ Семинаріи, въ Августѣ же того же 1809 г. Иннокентій Префектъ Семинаріи Троицкой; въ Февралѣ 1810 г. Филаретъ получаетъ въ Академіи катедру Богословія и Церковной Исторіи, а въ половинѣ Ноября, 1811 г., вызывается въ Петербургскую же Духовную Академію въ Баккалавры Церковной Исторіи тоже Иннокентій; въ Іюлѣ 1811 Филаретъ получаетъ санъ Архимандрита, а въ Іюнѣ 1812 тотъ же санъ дается и Иннокентію; въ Мартѣ 1812 Филаретъ Ректоръ Академіи и Настоятель Юрьева Новгородскаго монастыря, въ Сентябрѣ же слѣдующаго 1813 г. и Иннокентій Ректоръ Петербургской Семинаріи и Профессоръ Богословія (на мѣсто Меодія Писнячевскаго, посвященнаго 21 Сентября въ Викарія Старорусскаго, а 7-го Февраля, 1816 года, въ Епископа Полтавскаго) и Настоятель Новгородскаго же Юрьева монастыря; 1814 г. оба, Филаретъ и Иннокентій, получаютъ степень Доктора Богословія; въ 1816 первый переименованъ въ Настоятели Московскаго Новоспасскаго монастыря, а Иннокентій въ преемники Филарету по настоятельству его въ Юрьевскомъ монастырѣ (въ Іюнѣ); наконецъ, 5-го Августа, 1817 г., Филаретъ посвящается во Епископа Ревельскаго, съ оставленіемъ въ должности Ректора Академіи, Иннокентія же 2-го Марта, 1819 г., рукополагають во Епископа, сперва Оренбургскаго, а черезъ три недѣли (22-го Марта) переименовываютъ въ Пензенскаго и Саратовскаго; въ это время Филаретъ былъ уже, съ 15-го Марта, 1819, Архіепископомъ Тверскимъ, за тѣмъ, Сентября 26, 1820, Ярославскимъ, Іюля 3-го, 1821 г., Московскимъ, и 22-го Августа, 1826, Митрополитомъ и т. д., переживъ Иннокентія безъ малаго 40 годами (Ноября 19-го, 1867), хотя сложеніемъ отъ природы пользовался не лучшимъ Иннокентіева, но, по

всему видно, умѣлъ имъ распоряджаться съ большею осмотрительностію и щадѣніемъ, помня, что: „*Menſ sana in corpore sano.*“

Оба они были любимцами тогдашняго Новгородскаго Митрополита, Амвросія Подобѣдова, тоже воспитанника Московской Духовной Академіи, бывшаго 1771 г. Префектомъ и 1774 г. Ректоромъ ея, а въ 1782 и Епископомъ Крутицкимъ, по тому и старавшагося въ самомъ началѣ о доставленіи новоосновываемой Петербургской Академіи надежныхъ наставниковъ, предпочтительно изъ обучавшихся въ Московской, каковы, сверхъ Филарета и Иннокентія, были еще: Евграфъ Музалевскій (1808 г.), вызванный въ Ректора Академіи, но вскорѣ умершій (въ Ноябрь 1809), Евгений Казанцевъ (1809 г.), приглашенный въ Баккалавры Философіи и Инспекторы Академіи. Но Филаретъ, чрезвычайно осторожно пользуясь расположеніемъ Митрополита, въ то же время умѣлъ снискать расположеніе и сильнаго любимца Государева, Оберъ-Прокурора Св. Синода, Князя А. Н. Голицына, равномѣрно и другого, не менѣ сильнаго тогда любимца Государева, М. М. Сперанскаго, между тѣмъ какъ Иннокентій, отъ природы склонный къ тихой и уединенной жизни, вовсе не обращалъ никакого вниманія на происходящее вокругъ него, предаваясь до самопожертвованія своимъ ученымъ занятіямъ и образованію вѣреннѣхъ ему. Но, коротко знакомый съ тѣми путями, какіе прокладывали себѣ ложныя ученія въ средѣ мірской, позволялъ, не стѣсняясь, отзыватья о дѣйствіяхъ ихъ какъ въ древности, такъ и въ свое время: „Слезъ не достанетъ у здравомыслящаго Христіанина, говоритъ онъ, оплакивать раны, какія могутъ онѣ (книги съ ложными понятіями) нанести, если будутъ читаемы въ мѣстахъ воспитанія. Отъ броженія и круженія умственнаго, суемудріе такъ зломудрствуетъ, что душа содрогается отъ одного чтенія иныхъ книгъ.“ Вотъ по чему онъ не усомнился пропустить въ свѣтъ и „Бесѣду на гробѣ младенца,“ въ коей направлены были обличенія, довольно рѣзко, впрочемъ, выраженные, противъ распространяющихъ подобныя лжеумствованія въ поврежденныхъ изданіяхъ, каковы были тогда „Сюн-

скій Вѣстникъ“ Лабзина, и во множествѣ отдѣльныхъ сочиненій, большею частію переводныхъ съ Нѣмецкаго и Французскаго (Эккартсгаузена, Юнгъ-Штиллинга, Г-жи Гюіонъ и др.). Разумѣется, Иннокентій увлекался ревностію по чистотѣ Вѣры и, не смотря на предостереженія со стороны Филарета, говорившаго ему, между прочимъ: „Намъ, двумъ Архимандритамъ, не спасти Церковь, если въ чемъ есть погрѣшности, а лучше обращаться къ Преосвященному Митрополиту Михаилу (смѣнившему тогда Амвросія и тоже благоволившему равно къ обоимъ), котораго голосъ имѣетъ болѣе силы, нежели наши оба.“ Сличите рассказъ Филарета объ этой исторіи, слышанный покойнымъ А. Н. Муравьевымъ на другой день по погребеніи Княгини С. С. Мещерской, совершенномъ самимъ Филаретомъ 5-го Октября, 1848 г., и записанный имъ по возвращеніи домой, а Н. В. Сущковымъ обнародованный въ его замѣчательныхъ: „Запискахъ о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московскаго“ (М. 1863 г., стр. 108—111). Когда стряслась бѣда эта надъ Иннокентіемъ, онъ уже болѣлъ, по свѣдѣтельству и Филарета и его писемъ, и посредничество послѣдняго, не взирая на все его значеніе у Голицына и Михаила, не спасло Иннокентія. Видно, первый, оскорбленный уже разъ смѣло-обличительнымъ письмомъ Иннокентія, высказывавшимъ вредъ покровительства его Лабзину, не могъ на этотъ разъ уже примириться съ нимъ такъ легко, какъ то стало было прежде, благодаря настоянію Митрополита, по поводу его письма, на которое жаловался ему Князь, и Владыка послалъ къ нему писавшаго извиниться въ своей неосмотрительности; второй же (Михаиль), конечно, медлилъ теперь вступить въ новое неосторожное дѣло своего Архимандрита, по тому что и не одобрялъ таки его неумѣстной ревности, не надѣясь исполнѣ на силу предстательства своего у обиженнаго, не забывшаго еще недавней ему обиды отъ него. Какъ бы то ни было, но замѣчаніе Филарета справедливо, что Иннокентій не чуждъ былъ „нѣ- котораго чувства недовѣрчивости къ нему.“ Дѣйствительно, это чувство пробивается коегдѣ и въ „Письмахъ“ его къ С. С. Мещерской: „Преосвященный Филаретъ говоритъ, будто

я упалъ духомъ; но знаетъ ли онъ, что я никогда и не вышпался духомъ“, замѣчаетъ Иннокентій въ одномъ своемъ письмѣ. И въ другомъ, на вопросъ Княгини: „Ѣздить ли къ Преосвященному Филарету (въ то время, съ 15-го Марта, 1819, уже Архіепископу Тверскому), и образумить ли его въ нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ (стало быть, были такія)“, между прочимъ отвѣтилъ: „По вашимъ словамъ, одно вразумленіе удалось. Хорошо, онъ не оскорбился, и не оскорбится, когда и другое скажете; ибо у него есть намѣреніе и желаніе жить для Іисуса Христа. Онъ также непрерывно трудится, чтобы найти его и предаться ему совершенно, только своимъ путемъ“ (Письмо 38, стр. 51).

Въ сей часъ упомянутомъ разсказѣ своемъ Филаретъ замѣчаетъ, что Княгиня сообщила ему, въ послѣдній годъ ея жизни, Письма къ ней Иннокентія, разумѣется и тѣ изъ нихъ, которыя не были еще обнародованы въ „Собраніи“ его сочиненій, бывшія Филарету, какъ такія, и безъ того уже извѣстными. По сему сближеніе первой съ послѣднимъ было медленное: вѣроятно, на это имѣло вліяніе свое и то обстоятельство, что она, находясь, какъ и всѣ почти, подъ впечатлѣніемъ неудовольствія на Филарета, яко мнимаго соперника Иннокентіева, собиралась „образумить его въ нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ,“ и по тому, если это исполнила на самомъ дѣлѣ, не въ состояніи была уже долго поставить себя въ такія отношенія къ нему, въ какихъ находилась когда-то къ Иннокентію, благодаря необыкновенной кротости послѣдняго, желанію слышать указаніе на его промахи въ жизни Христіанской, даже обличенія. А обличенія поступковъ такихъ лицъ, какъ Филаретъ, „поученіе того, отъ коего надобно другимъ учиться“ (см. 38-ое письмо Иннокентія), дѣло не легкое, даже въ случаѣ перваго успѣха, и не всегда обѣщающее сближеніе между поучающимъ и поучаемымъ. Но, находясь долгое время очевидицей жизни и дѣланія Московскаго Святителя, и зная, черезъ посредство своей родственницы, Е. С. Гергардъ, не одну вѣрную сторону дѣятельности его, она могла постепенно сближаться съ славнымъ Іерархомъ, свѣдѣтельство на что имѣемъ въ его отзывѣ А. Н. Муравьеву

о ней вообще, и самомъ вызовѣ его совершить отпѣваніе ея: „Да, я дѣйствительно любилъ и уважалъ Княгиню, сказалъ онъ Г-ну Муравьеву, и она, кажется, была ко мнѣ благосклонна, но не въ то время, когда пользовалась милостями Государя и принимала участіе въ дѣлахъ духовныхъ, по тому что тогда она подозрѣвала меня въ гоненіи противъ Иннокентія.“ Что очень естественно было, такъ какъ Филаретъ, какъ извѣстно, тогда и потомъ былъ слишкомъ близокъ къ Князю Голицыну, а заступничество и посредничество его по этой близости въ защиту Иннокентія не могли быть долгое время извѣстными въ свѣтѣ, пожалуй, даже и самому проступившемуся во всей ихъ полнотѣ. Безъ сомнѣнія, посредницей, повторяю еще разъ, тутъ была Г-жа Гергардъ, извѣстная пламенная почитательница нашего Владыки и заступница за него въ Петербургѣ, у Двора, Синода и гдѣ слѣдовало, по его отношеніямъ.

Гоненіе по случаю запрещенія: „Весѣды на гробѣ младенца о безсмертіи души“, пропущенной Иннокентіемъ, ускорило, конечно, кончину его; но, въ свою очередь, запрещеніе это, спустя 6 лѣтъ, было также уничтожено Высочайшею Властію: 17-го Ноября, 1824 года, послѣдовалъ, на имя Министра Народнаго Просвѣщенія (А. С. Шишкова, съ 15-го Мая) Указъ, въ коемъ, между прочимъ, сказано: „Многія, къ Вѣрѣ относящіяся, книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, и, напротивъ того, книги, въ духѣ Православной нашей Вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ и книга подъ названіемъ: „Весѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, была запрещена и отобрана. По тому, выше означенную книгу: „Весѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, запрещенную, нынѣ Митрополитомъ (Серафимомъ, съ 29-го Іюня, 1821 г.), разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ дозволить печатать и продавать“ (См. „Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1861, кн. 2, Отд. V, стр. 201—202).

Nihil est toto quod perstet in orbe, cuncta fluunt: gaudia post luctus, post gaudia luctus; semper in ambiguo speve motuque sumus. “И по тому: „Vir sapiens, qui se ad casus accommodat omnes.“ И то сказать: „Sat habet fautorum semper, qui recte facit“, что въ одинаковой степени можно отнести и къ Иннокентію и къ Филарету.

О. БОДЯНСКІЙ.

18-го Апрѣля, 1875 года.
